

Павел Алексеев

Поэт и прозаик. Родился в 1959 г. Учился в ФМ лицее № 239, затем в Военмехе. Окончил режиссерские курсы у Кацмана А. И. Пишет прозу и стихотворения. Выпустил семь книг. Две из них критики считают арт-объектами. Председатель секции прозы Союза писателей Санкт-Петербурга. Печатался в России и за рубежом. Автор идеи и постоянный участник выставок «Писатели-художники». Обладатель престижных премий по литературе. Награжден знаком общественного признания «Красная ворона» за вклад в литературу. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Ледяная фантазия сфер

Великая Магия. Все эти спириты, поэты, выдумщики даже не прикинули план нашего будущего. Так, мечтающие юные души. Хотят видеть Россию Великой, воздушной, чистой и белой. Именно белой.

Как я прибился к ним, непонятно. Может, из-за юнкеров, кадетов. Горстка юных сердец. Тревожные взгляды. Надежды. Без дома уже. Стайка.

Сейчас идем по степи. Белесая равнина без края. Поземка. Лютая стужа.

— Что, монашек? Замерз? — смеется сквозь ветер поручик.

Он гарцует на черном коне. Тот крутится под ним полный сил.

— Приободришь! Не кисни! — и скидывает с себя башлык. — Укутайся.

Слабо улыбаюсь в ответ.

— Я не монах.

А он скачет уже дальше вдоль нашей колонны.

Остаться с красными тоже была плохая идея. Я — органист. Начинающий. Говорят, они закрывают храмы. Стращают, наверное, чтоб мы бежали подальше. Люди так не могут же. Как без Бога-то?

Ветер воеет, подвывает, напоминая начало печальной, тоскливой фуги. Я слышу ее. Угадываю. Она обнимает меня. Пальцы сами начинают перебирать невидимые клавиши. Подаюсь вперед. Подхватываю.

Сначала музыка звучит очень тихо. Будто из глубины Вселенной рождается первый вздох существования. Будто зарождается жизнь, ее главная мелодия. Нежная. Трепетная. Брезжит ее тихий рассвет на высоких и низких тонах. Сразу. Диссонанс. Тревога. Далее стон. Еще один. Пробуждение. Первый вздох. Самый важный. Второй. Третий. Биение сердца, едва уловимое. Дальше с силой, с напором. На полную. Проует до стучаться до небес, которые образуются тут же. Вихри. Творение. Сила. Мощь. Звук ведет меня. Захватывает. Тянет. Грохот. Сверканье молний. Небо рвется на части. Огонь.

— Огонь! — кричат рядом.

Рокот разрывов снарядов. Свист пуль. Мы бежим. Атакуем.

— Ура!

Я падаю. Наткнулся на Сережу. Поднимаю его голову.

— Передайте маме, — шепчет он.

Дальше не слышно. Не дышит.

Крупинки снега на мокрой пряди волос.

Встаю и кричу в небо.

Мой вопль сливается с неимоверным грохотом.

Среди комьев земли, кровавого снега валяются наши мальчишки.

Меня трясет. Хватаю Сережину винтовку. Выскальзывает, тяжелая.

Вся в крови.

В сердце плач. За что? Вою в бессилии. Воют снаряды. Воеет вьюга. Звуки, соединяясь, переливаются из жуткой какофонии в странную мелодию. В реквием. В светлый. В тревожный. В грохочущий. Мои пальцы вновь словно на клавишах. Перебирают. Играют. Все громче, мощнее, спокойнее. Крупинки снега бьют по суставам. Град. Мелкие шарики. Больно. Продолжаю играть. Назло.

Вдохновение.

Мальчишки встают, будто услышав мелодию, с трудом поднимаются...

— Ура!

Побежали.

...Поручик потом рассказывал, что среди поля разрывов, огня стоял худой органист в черном пальто. Стоял недвижно и будто перебирал воздух руками. Те свивали что-то из вихрей снега. Нити. Ткань. Ткань мироздания. Закручивалась. Нет. Градинки сами превращались в сферы под его пальцами. Светились.

— Нет! Не знаю.

И продолжал через нервное мгновение, как вставали мальчишки, вдохновенные, обретая те самые мерцающие шарики, как начинал

светиться перед ними путь, как шарики становились сияющими сферами вокруг них. Потом эти шары становились все больше и больше. Сливались. И они шли вперед на станицу. Неслись. Их охватывал несуществующий свет. Волна.

— Как мы взяли станицу, не знаю. Чудо. Нас же мало было. А мальчишки... одни добежали. А другие словно создали свет в черном небе, пролом, и ушли в это сияние. Недостижимое. И музыка, музыка такая... не передать.

— Музыка сфер, — подсказывал кто-то.

— Нет, — отмахивался поручик. — Хотя. Не найду слов. Помните лютеранский храм в Ростове-на-Дону. Там и играл этот монашек. И тогда что-то уже звучало в его мелодиях оттуда, сверху.

И указывал пальцем ввысь, в самое небо.

Долго молчал. Потом, переживая что-то тяжелое внутри, говорил, словно подводил черту:

— И увел их чистые души туда своей музыкой. Может, и спас.

И выпивал рюмку, не чокаясь.

На груди его тускло блестел знак первого ледяного похода с терновым венком.

Потом он медленно сел и снова молчал. Замирал.

Но если приглядеться внимательнее к его лицу, то видно было, как губы неслышно шептали:

— Где ты, музыка света? Где ты, музыка сфер?